

E. Leiss Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1992. VI. 334 S.

Рецензируемая монография задумана ее автором как попытка описать на материале немецкого языка межкатегориальные связи и взаимодействие аспекта, залога, времени и (частично) наклонения¹. Автор исходит из рабочей гипотезы, согласно которой в так называемых переходных зонах между категориями действуют строгие закономерности, отражающие иерархические, импlicative отношения между отдельными категориями, и считает, что структура и функционирование отдельных категорий, таким образом, детерминированы закономерностями надкатегориального плана.

В этой установке автора проявилось характерное для современной лингвистики стремление вскрыть ту внутреннюю пружину, которая лежит в основе системного устройства языка и проявляется как в процессе развития языка, так и в процессе его усвоения. В этом же русле следует, вероятно, рассматривать исследования, направленные на выявление семантической детерминанты языков того или иного континентального типа. Однако автор рецензируемой монографии ставит перед собой несколько иную цель: с помощью метаязыкового (metasprachlich) анализа немецкого глагола показать, что категории языка представляют собой не простую совокупность (инвентарь категорий одного и того же ранга), а единое иерархически организованное образование, в котором все категории естественно выводятся из одной, базисной категории.

При такой постановке проблемы с самого начала у читателя возникает вопрос, что понимается под языковой категоризацией, какого рода категории подлежат анализу и к какому уровню языковой систе-

мы может принадлежать искомая базисная категория. Из последующего изложения становится ясным, что рассматриваемые автором категории не совпадают с грамматическими категориями какого-либо отдельно взятого языка, речь идет о некоторых универсальных содержаниях, получающих свое выражение в сфере глагола (морфологические категории глагола, его категориально-лексические классы, словообразовательные модели, а также бивербальные синтаксические сочетания), о функциях, свойственных морфологическим категориям глагола в отдельных языках, но так или иначе осуществляемых с помощью глагола во всех языках. Иными словами, речь идет, в нашем понимании, о функционально-семантических категориях аспектуальности, темпоральности, залоговости и модальности и соответствующих им функционально-семантических полях, но лишь в той их части, которая репрезентирована вышеперечисленными глагольными средствами. Автор, по-видимому, сознательно не употребляет в полном объеме терминов и понятий функциональной грамматики, хотя широко пользуется понятием функции.

Рассматривая в едином ряду, в качестве категорий глагола современного немецкого языка феномены, именуемые ею аспектом, залогом, временем и наклонением, автор отдает себе отчет в том, что морфологическая категория аспекта здесь не представлена, но в сфере глагола функция выражения аспектуальности тем не менее осуществляется. Автор представляет точку зрения, согласно которой "морфологически не реализованная категория не должна считаться отсутствующей, а пример отсутствующего артикля в русском языке должен был бы свидетельствовать о том, что кажущееся отсутствие категории ведет не к упрощению категориальной архитектоники, а к возрастанию сложности системы" (с. 53).

Можно соглашаться или не соглашаться с исходными теоретическими положениями и терминологией автора, однако нельзя не отметить целесообразности выбора объекта описания, а именно вычленения той части языковой системы, где взаимодействие функционально-семантических категорий может быть прослежено, во-первых, в рамках одной части речи, во-вторых, в пределах тех частей соответствующих функционально-семантических полей, которые ограничены их центрами и ближайшей периферией (последняя может быть более или менее

¹ Помимо немецкого, в монографии привлекается материал многих других языков, в том числе – неиндоевропейских (всего около пятидесяти языков, среди них, например, эскимосские, майя, дакота, дирбал и др.). Отрадно отметить, что в последнее время все чаще наблюдается тенденция к привлечению в исследованиях, посвященных проблематике отдельных германских языков, материала многих иных, в том числе и неиндоевропейских языков с учетом их типологических характеристик. Это, бесспорно, способствует как расширению проблематики частных исследований, так и более глубокому подходу к поставленным вопросам. Другим примером исследований подобного рода может служить [1], где автор обращается к материалу около сорока языков.

втянута в процессы грамматизации). Состав же привлекаемых к рассмотрению разноразрядных характеристик глагола представляется достаточно полным и отражающим сущность части речи как морфолого-синтактико-словообразовательно-лексического феномена. Не вызывает сомнения, что такой подход просто необходим наряду с традиционным анализом морфологических категорий и анализом ФСП в их полном объеме. Это тем более важно, если речь идет о выявлении базисной категории.

Остановимся кратко на некоторых других исходных теоретических положениях автора. В работе последовательно используются понятия дистинктивных признаков и отношений маркированности. Недостатком имеющихся исследований автор считает отсутствие "признакового анализа", выходящего за рамки отдельных категорий (с. 1), необходимость которого была отмечена еще в 1957 г. Р. Якобсоном [2]. Категории различаются по степени своей сложности (Komplexität): более простые являются как бы "кирпичиками" (Bausteine) в составе более сложных. Автору близка также теория маркированности, принятая в рамках "естественной" морфологии Дресслера, Вурцеля и др. Базисная категория выводится из "естественной" эгоцентрической точки зрения говорящего. Принимается также точка зрения Г. Гийома, согласно которой глагольные категории аспекта, времени, наклона отражают внутренние фазы одного феномена (хроногенеза) [3].

В отличие от Якобсона, автор считает, что все морфологически выраженные (morphologisch sichtbar) категории являются шифтерами, в том числе – аспект. В этом плане автор примыкает к концепции "естественной" морфологии, считающей все грамматические морфемы дейктическими или индексными. Используется также понятие иконического языкового знака (т.е. знака, обнаруживающего сходство с представляемым им предметом) и иконической функции. Иконическим знаком считается, например, порядок слов, передающий содержание известности/неизвестности (с. 9). Таким образом, система категорий языка обладает не только дейктическими функциями, но и иконическими способностями. Грамматическое содержание может быть

выражено дейктически или иконически или же путем сочетания обоих способов. При этом морфологическое маркирование может противоречить естественному иконизму, нарушать его. Грамматические категории не корректируют этих нарушений, но лишь делают их возможными.

По мнению автора, каждая категория представляет собой особый уровень, на котором иконически выражается одно содержание за другим. Соответственно, каждая выражаемая морфологическая категория должна обнаруживать сходство с естественным синтаксическим уровнем и выражать содержания Vor(her) "до ч.-л." и Nach(her) "после ч.-л.". Доказательство этого положения автор считает одной из своих основных задач.

Таким образом, вместо традиционного разграничения синтаксического и морфологического уровней автор придерживается разграничения иконического и дейктического способов передачи грамматического содержания, которое далеко не всегда совпадает с разграничением синтаксиса и морфологии. Например, к иконическим знакам автор относит и категорию числа имени – по той лишь причине, что форма множественного числа маркируется большим количеством знаков, чем единственное число (с. 6)². При этом делается оговорка, что имеется в виду лишь общая тенденция, а не отдельные языки ("im übereinzelsprachlichen Maßstab") в надязыковом масштабе. Но наиболее важным иконическим средством признается все же порядок слов.

Наконец, несколько замечаний о понимании автором базисной категории. Эта категория должна быть выводима из естественной "эгоцентрической" точки зрения говорящего. При этом совершенно необязательно ее морфологическое выражение. Базисная категория может быть "скрытой" и проявляться лишь во взаимодействии с другими категориями. Такой подход к базисной категории представляется продуктивным, поскольку он может способствовать выявлению семантической детерминанты континентного типа языка. Сказанное не означает, что аспект или аспектuality являются именно такой детерминантой, да автор и не ставила перед собой задачу выявить таковую. Хотелось бы особо подчеркнуть плодотворность мысли о системформирующих функциях "скрытых" категорий, подтвержденную конкретным материалом. Постулируемое автором понимание базисной категории основывается (хотя это и не сформулировано эксплицитно) на при-

² Следует отметить несоответствие этого положения материалу флективных языков, где значения падежа и числа совмещены в одной флексии. Более того, во множественном числе возможна и нулевая флексия. Ср. русск.: им.ед.: рука, род.ед.: рук, им.мн.: руки, род.мн.: рук.

нании тезиса о первичности лексического перед грамматическим и о подчиненном положении морфологии по отношению к синтаксису, т.е. тех принципов, которые лежат не только в основе выявления семантической детерминанты континентивного типа, но и в основе типологической реконструкции [4].

В соответствии с замыслом автора работа содержит следующие главы (помимо введения и заключения): "Аспект", "Пассив", "Между аспектом и пассивом: результатив", "Время: между аспектом и наклонением". Остановимся на содержании отдельных глав.

В главе "Аспект" вычленяется базисная оппозиция аспекта – дифференциация внешней и внутренней перспективы (см. об этом ниже), предпринимается попытка отграничить категорию аспекта от способов действия (Aktionsarten) и аспектуальной глагольной семантики (Verbalcharaktere). В то время как каждый глагол обладает по крайней мере одной перспективой (внешней или внутренней), о категории аспекта можно говорить лишь в том случае, если могут быть реализованы обе перспективы. В данном случае исследователь немецкого языка сталкивается с таким явлением, когда функция не имеет однозначного флексива, а выражается взаимодействием многих других грамматических функций. В современном немецком языке этот феномен окрашивает все глагольные категории, кроме согласовательных категорий лица и числа, не только влияя на выбор специфической пассивной или перфектной конструкции, но определяет также значение "имперфекта" и предопределяет темпоральное или модальное значение футурума. Для обозначения общей перспективирующей функции аспектуальной глагольной семантики, способов действия и аспекта используется обобщающий термин "аспектуальность" (Aspektualität) (с. 40). Аспектуальность соответственно выражается лексически, лексико-грамматически, грамматически.

Разделяя мнение Р. Якобсона и Г. Гийома о том, что аспект – базисная категория в системе глагольных категорий, автор рассматривает аспектуальность в немецком языке не как явление маргинальной природы, а как центральное явление, лежащее в основе других глагольных категорий. Задаваясь вопросом, следует ли рассматривать аспектуальность как универсальную или частноязыковую категорию, автор обращает внимание на аналогичное положение категории определенности/неопределенности имени в русском языке, реализующейся

через категории падежа, аспекта и – иконически – через порядок слов. Обосновывая универсальный характер категорий аспектуальности и определенности/неопределенности, автор апеллирует к мнению Л.В. Щербы о необходимости избегать гипнотизации морфологической формой (с. 26). Не принимается в качестве критерия наличия/отсутствия какой-либо грамматической категории в языке и принцип обязательности (ср. необязательность выражения некоторых категорий в китайском языке).

Путь к открытию подобных "невидимых" категорий лежит, по мнению автора монографии, в "непредвзятом" описании отдельных языков на основе метаязыкового знания. Непредвзятость же понимается в данном случае как отход от привычных образцов (с. 26–28).

Наиболее интересным, но одновременно и наиболее дискуссионным моментом в рассуждениях автора нам представляется не столько предлагаемый ею способ открытия "невидимых" грамматических категорий, сколько, пожалуй, "повышение в ранге" таких категорий, которые, занимая периферийное положение в традиционном выделяемой морфологической подсистеме, оказываются "базисными" в некотором межуровневом языковом пространстве. Сама по себе эта мысль не вызывает сомнений, т.к. логически вытекает из тезиса о первичности лексического перед грамматическим Ср. [4]. Однако необходимо учитывать, что в системе глагола наличествуют и другие категориально-лексические классы (прежде всего переходные/непереходные глаголы), в связи с чем поиски базисной категории должны были бы включать и сопоставительный анализ нескольких категориально-лексических членений. Далее, роль какой-либо "скрытой" категории, как бы ни влияла она на содержание иных, "явных" категорий, не должна быть преувеличена тем, что данная категория не имеет "прямого" выхода в морфологическую парадигматику. Например, тот факт, что переходность/непереходность глагола непосредственно влияет на его функционирование в категории залога и семантику последнего, не может снижать роли данных категориально-лексических классов в построении глагольной парадигматики. И этот вопрос, думается, должен решаться с учетом конкретного состава морфологических категорий языка. Немаловажен и тот факт, что Р. Якобсон высказал мысль о базисном характере аспекта в применении к русскому языку, глагольная парадигматика которого сильно отличается от немецкой.

Интересны рассуждения автора о дейктическом характере аспектуальности (с. 32–45). Маркированный член оппозиции дейктичен, поскольку отражает точку зрения говорящего. Глагольное действие может рассматриваться двумя различными способами: 1) как нечленимое целое; 2) как расчлененное целое без этой тотализации. При этом подразумевается, что в первом случае сам говорящий как бы находится за пределами действия, а в противном случае (т.е. во втором случае) он не смог бы воспринимать действие как целое. Это вполне оправдывает русский термин "вид" – перспектива, видение (*Betrachtungsweise*). Анализ отношений части/целого в области глагола представляется нам особенно ценным, поскольку автор пытается провести параллель между глагольными и именными категориями в плане выражения в них паритивных/холистических отношений. Прототипическое существительное соотносится с предметами, воспринимаемыми как целое. Исключения – вещественные, обозначающие "нечленимые" (*nichtgrenzbezogene*) предметы. Отношения аддитивности/неаддитивности и делимости/неделимости у глаголов и существительных различаются в плане их маркированности/немаркированности.

Глава о пассиве представляется наиболее удачной. Хотя тенденция к пересмотру традиционной точки зрения о "синонимии" или "обратимости" активной и пассивной конструкций наметилась давно, создание позитивной концепции, адекватно отражающей функциональный статус пассива в современном немецком языке, оставалось в лучшем случае осознанной необходимостью. Успеху автора в этой области в немалой степени способствовало привлечение материала многих языков различной типологии. Именно это позволило рассмотреть феномен современного немецкого пассива в ракурсе широкой исторической перспективы³. Решающим фактором в этой главе является обращение к проблеме подлежащего, т.к. пассив реализуется лишь в определенных языках (мы бы сказали: в языках определенной типологии) со специфическим подлежащим [6] (с. 75). Функциональное

рассмотрение пассива на фоне тенденции к топикализации подлежащего проводится здесь с учетом различной интенсивности этой тенденции в отдельных языках, возможно, с несколько приниженной (в оценке автора) степенью ее интенсивности в немецком языке (с. 79).

Автор ставит перед собой задачу выяснить вопрос об определенности как признаке подлежащего и субъектности в пассивных конструкциях и приходит к выводу, что в качестве подлежащего функционирует тот элемент, который обладает максимальной степенью референциальности (с. 126). Соответственно различаются определенный и неопределенный пассив: первый топикализирует определенный объект, второй ремагитизирует неопределенный субъект, например: *Es wird (von allen) getänzt* "Танцуют" (с. 115).

Неубедительно, на наш взгляд, в этой главе положение, по замыслу автора дополняющее концепцию Гивона [7]. Топикализации, по мнению автора, могут развиваться не только в пассивную, но и в эргативную конструкцию (с. 138). Это предположение, не подкрепленное фактическим материалом, противоречит общей направленности развития контенсивных типов [8], если понимать предположение автора в диахроническом аспекте. Если же имеется в виду различное коммуникативное членение эргативной и абсолютной (не номинативной) конструкций, то специфика номинативного строя в том и состоит, что в отличие от эргативного здесь выбор одной из возможных конструкций предложения (активной или пассивной) диктуется не категориальной семантикой глагола-сказуемого, а выбором коммуникативной перспективы, причем переходность/непереходность и другие категориально-лексические характеристики глагола, ограничивающие возможность образования пассива, не могут рассматриваться как ограничители выбора коммуникативной перспективы, поскольку вопрос о топикализации прямого объекта при непереходном глаголе попросту не стоит. (Об ограниченности возможностей различной топикализации высказывания в языках эргативного строя см. [9; 10].)

Рассматривая пассив как результат интранзитивации, автор считает, что в эргативных языках аналогичную функцию выполняет антипассив, т.е. абсолютная конструкция, с той лишь разницей, что, если в аккумулятивных языках в пассивной конструкции может опускаться обозначение агенса, то в антипассивной конструкции эргативных языков опускается обозначение

³ Досадной ошибкой автора представляется реконструкция готской конструкции *wisan* (в претерите) + причастие II как всего лишь временного соответствия презентного медиопассива (с. 158): именно семантические различия между этими образованиями [5] проливают свет на исторические изменения в функциях пассива.

пациенса. "Привилегированным" актантом в предложении при этом в первом случае становится пациенс, во втором – агенс (с. 95). Вероятно, здесь действительно есть база для сопоставления обеих конструкций, а именно, как нам представляется, в обоих случаях имеет место не только (и не столько) интранзитивация предложения, сколько рематизация сказуемого, однако терминологически противопоставление пассива и антипассива предполагало бы существование некоего гипертипа, объединяющего в себе эргативный и номинативный типы. Поэтому, отдавая должное тонкому наблюдению автора, мы бы предпочли говорить о специфике решения определенной коммуникативной задачи в языках различных континентальных типов.

Следующая глава, посвященная результату, имеет своей целью привести к общему знаменателю сочетания глагола *sein* "быть" с причастием II переходных и непереходных глаголов. Семантическим инвариантом этих образований признается результативность, предельность (*Grenzbezogenheit*), неаддитивность обозначаемого события. Вслед за Г. Эггерсом, автор признает существование в древневерхненемецком аналитической формы результата от предельных глаголов [11] и в этом близка к истине, хотя, по нашему мнению [12], древневерхненемецкий результатив представлял собой синтаксическую конструкцию с большой степенью грамматизованности, что в дальнейшем явилось основой для развития залога (от переходных глаголов) и перфекта (от непереходных глаголов).

В отличие от Эггера, автор рецензируемой монографии постулирует существование единого результата до настоящего времени, с чем нельзя согласиться. Дело даже не в том, что образования типа *ist gekommen* "пришел" и *ist geschlagen* "побит" обнаруживают различную степень грамматизованности, относясь соответственно к морфологическому и синтаксическому уровням (Е. Лейсс не считает необходимым проводить эту грань), а скорее всего в том, что уже в начале XIII в. в "Песне о Нибелунгах" встречается сочетание *was gewesen* "был", т.е. в описываемую конструкцию втягиваются непереходные глаголы с явно неопредельной семантикой, что свидетельствует о начале разрушения первоначального результата. Аналогические образования по образцу "*sein* + причастие II предельных непереходных глаголов" от переходных неопредельных глаголов (особенно глаголов движения) становятся весьма про-

дуктивными в XV в. Как известно, в основе любого аналогического новообразования лежит единство семантики "образца" и новообразования. Поскольку семантика результативности в сочетаниях с неопредельными глаголами исключена, то остается предположить (это подтверждается и текстовым материалом), что результатив от переходных глаголов постепенно преобразовывался в таксис (предшествование), затем в перфект. В связи с этим хотелось бы отметить некоторую неполноту охвата глагольных категорий в рецензируемой монографии: особенно бросается в глаза отсутствие описания категории таксиса, без которой, как нам представляется, перерождение результатива в перфект труднообъяснимо. Более того, категория таксиса имеется и в современном немецком языке, но, по-видимому, не привлекла внимания автора, так как не является действительной категорией. Поэтому признание результата промежуточной категорией между залогом и временем представляется неточным.

В целом автор характеризует результатив как неполную, переходную категорию, поскольку он не обладает возможностью двойной перспективизации. Для его превращения в полную категорию необходимо снятие ограничений на терминативность и на переходность глаголов, выступающих в "результативе": в первом случае возникает нерезультативный результатив, во втором – переходный результатив (с. 173).

Не убеждает проводимая параллель между немецкой результативной конструкцией и гильяцким (нивхским) результативом. Вслед за Б. Комри автор усматривает в нивхском предложении *T'us řa – ɣata – d'* "Мясо поджарено" признаки эргативно-абсолютного синтаксиса в связи с необозначенностью агенса при форме результата от переходного глагола [13]. Сопоставляя нивхскую конструкцию с немецкой типа *Das Fleisch ist gebraten* "Мясо поджарено ~ Мясо поджарилось", автор находит и здесь признаки эргативности, т.е. обозначение пациенса в этом случае совпадает с формой подлежащего непереходного предложения (с. 167–168). Думается, это сопоставление основано на недоразумении. В нивхском предложении выступает синтетический результатив (ср. йэскид' "продавал" / йэскиуытт "продал"), результативной же конструкции или аналитического результата в нивхском не может быть уже постольку, поскольку сочетание деепричастия законченного вида с вспомогательным

глаголом *had* "быть" придает всей конструкции значение не только законченности, но и обычности действия [14, с. 78], а это скорее напоминает случаи употребления древнегерманской конструкции "быть + причастие II переходных глаголов" в значении будущего страдательного залога. Принимая глагол *rihad* за переходный, следовало бы перевести приведенный Б. Комри пример буквально как "Das Fleisch hat gebraten" "Мясо поджарило" (в нивхском нет эргативного падежа, *t'us* – абсолютный падеж), и тогда бросается в глаза неформальность непереходности действия ни в глагольной лексеме, ни в глагольной форме (в нивхском нет страдательного залога), а это явление широко распространено в языках с начальной ступенью номинативности. Такие примеры нередки даже в древних германских языках (др.-исл. *heita* "называть" и "называться", *lúka* "кончать" и "кончаться" и др.) [15; 16]. И хотя в нивхском имеется непереходный глагол *m'ad* "жариться", перед нами, видимо, тот случай, когда переходный глагол выступает в значении непереходного (ср. [14, с. 43]). Следовательно, нет никаких оснований связывать конструкцию *sein* + причастие II с эргативным синтаксисом.

Тонким и плодотворным наблюдением автора в плане континентальной типологии является вывод относительно анафорического характера результативных конструкций (с. 170) и интранзитивного характера всех анафорических конструкций в аккумулятивных языках, в связи с чем оппозиция анафорика/катафорика является центральной (с. 172). Здесь, возможно, автор наиболее близко подходит к пониманию сути номинативного (аккумулятивного) строя.

Категория времени рассматривается в следующей главе как промежуточная между аспектом и наклонением. Сразу же отметим, что категория наклонения, описанная по замыслу автора лишь частично, заслуживала бы, по нашему мнению, большего внимания именно в плане взаимодействия различных категорий глагола. Между тем само содержание категорий модальности (хотя бы в сфере глагола) и наклонения остаются нераскрытыми. Из глагольных форм, выражающих модальность, описывается лишь модальный футур I (в сопоставлении с временным футуром I). Остается совершенно неясным место этой формы в системе наклонений, в частности, остается без внимания возникновение и функционирование ирреалиса как наклонения вторичного образования, без чего не может быть определен и статус кондиционалиса.

В целом время трактуется как категория внутреннеперспективирующая с анафорическим (прошедшие времена) и катафорическим (будущее) полюсами. Презенс, не обладающий дейктическими значениями, не признается временем в строгом смысле этого слова. Переходный характер категории времени объясняется ее зависимостью от аспектуальных значений глагола, что касается не только презенса в значении настоящего или будущего, но и футура I (дистрибуция модального и темпорального футура определяется, по мнению автора, исключительно этим фактором). Интересным представляется в этой главе анализ значений делимости (*Teilbarkeit*) и аддитивности в сочетании *werden* + инфинитив и сопоставление в этом плане немецкого и русского языков. Не остается без внимания широко дискутируемый в современной германистике вопрос о судьбе претерита в связи с развитием перфекта. Автор приходит к выводу, что даже после "полной победы" перфекта претерит не может исчезнуть окончательно и сохранится в специфических контекстах (с. 282).

В выводах делается попытка применить теорию комплексности грамматических категорий в диахронии. Все категории связаны друг с другом одним гомогенным грамматическим процессом. Наименее существенные компоненты этого процесса – сверхгенерализация и реинтерпретация. Иными словами, имеет место "неправильное" использование языковых элементов и переосмысление этих элементов. "Таким образом, вместо неграмматических высказываний возникают таковые с новым грамматическим значением" (с. 284). С таким пониманием исторического процесса трудно согласиться: исторический материал скорее всего свидетельствует о том, что сначала возникает новое значение у старой формы, затем на этой основе возникают аналогические образования. Последовательность этапов реинтерпретации, как ее представляет автор (*Aspekt – Genus verbi – Tempus – Modus*) должна быть проверена на историческом текстовом материале, в частности, наклонение (в полном его объеме) никак не укладывается в эту схему.

Результат проведенного исследования автор кратко формулирует следующим образом: "Существенная функция грамматических категорий состоит в открытии (букв.: подготавливании – "*Bereitstellung*") многих перспектив. Свобода перспективирования гарантируется неарбитражными, направленными и необходимыми процессами" (с. 291). Монография содержит обшир-

ную библиографию по затронутым проблемам (с. 293–320), в которой широко представлены и работы наших отечественных лингвистов. Можно отметить лишь отдельные неточности в изложении точек зрения других авторов. Так, например, на с. 134 в искаженном виде изложена концепция эволюции контенсивных типов языка (ср. [17]).

Несколько заключительных замечаний. Рецензируемая монография содержит изложение целостной концепции автора, касающейся семантически детерминированных иерархических отношений на сравнительно обширном участке языковой системы (система глагола). Разработанная на материале современного немецкого языка с привлечением материала других языков и с историческими экскурсами теория является значительным вкладом в общее языкознание и представляет большой интерес не только для германистов, но и лингвистов широкого профиля. Оригинальность исходных общетеоретических позиций автора приводит к нетрадиционным выводам относительно состава и взаимодействия глагольных категорий в немецком языке. Некоторые исходные установки автора представляются дискуссионными. Отметим лишь два момента: 1) Несколько преувеличена роль дейксиса в языковой категоризации. Выделение акто-речевого компонента смысла основывается именно на существовании ситуационного. Коммуникативный же (в узком смысле этого слова) ком-

понент лишь с большой натяжкой укладывается в дейксис и требует его расширенной трактовки как точки зрения говорящего. Ср. [18]. 2) В "метаязыковом" подходе к языковой категоризации, вероятно, следовало бы больше внимания уделить разграничению универсальных и конкретно-языковых категорий (см. об этом, например, [19]).

По нашему глубокому убеждению, современной германистикой накоплен богатый материал, нуждающийся в историко-типологическом и ареальном осмыслении. Такой подход не является чем-то новым. Его необходимость осознавалась уже А. Мейе и В.М. Жирмунским. Более того, в работах В.М. Жирмунского и его учеников [20; 21; 22] такой подход осуществлен практически при анализе большого объема конкретного материала. И все же в современной германистике явно ощущается недостаток работ такого плана, где при объяснении фактов того или иного из германских языков учитывались бы достижения не только общей теории языкознания, но и контенсивной типологии и ареальной лингвистики. Поэтому отрядным фактом является привлечение в рецензируемой монографии большого количества типологических параллелей, хотя объяснительная сила таких параллелей, на наш взгляд, была бы еще большей при последовательном учете широкой исторической перспективы и своеобразия развития германских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Källström R. Kongruens i Svenskan // *Nordistica Gothoburgensia*, 16 / Ed. by Malmgren S. Göteborg, 1993.
2. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge, 1957.
3. Guillaume G. Temps et verbe. P., 1929.
4. Климов Г.А. К типологической реконструкции // ВЯ. 1980. № 1. С. 9.
5. Гухман М.М. Типология развития залоговых оппозиций // Историко-типологическая морфология германских языков. Т. 2: Категория глагола. М., 1977. С. 143–148.
6. Li Ch., Thompson S. Subject and topic: a new typology of language // *Subject and topic* / Ed. by Li Ch. New York, 1976.
7. Givón T. Topic, pronoun, and grammatical agreement // *Subject and Topic* / Ed. by Li Ch. New York, 1976. P. 178.
8. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983. С. 176.
9. Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 454–456.
10. Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973. С. 95.
11. Eggers H. Uuad quhōman und das System der zusammengesetzten Verbformen im althochdeutschen Isidor // *Althochdeutsch. Bd I.* / Hrsg. von Bergmann R., Tiefenbach H., Voetz L. Heidelberg, 1987.
12. Ермолаева Л.С. Развитие видо-таксисно-временной системы глагола в процессе утверждения номинативного строя германских языков // Проблемы истории индоевропейских языков. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной конференции. Ч. 1. Тверь, 1991. С. 106.
13. Comrie B. Aspect and voice: some reflections on

- perfect and passive // Tense and aspect. New York, 1981. P. 69.
14. Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. Глагол, наречие, образные слова, междометия, служебные слова. М.; Л., 1965.
15. Десницкая А.В. Переходные и непереходные глаголы в древнеисландском языке // Уч. зап. ЛГУ. 1940. № 58.
16. Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 157.
17. Klimov G.A. Zur kontensiven Typologie // Relational typology / Ed by Fr. Plank / Trends in Linguistics. Studies and Monographs. V. 28. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.
18. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 184–185.
19. Coseriu E. Bedeutung, Bezeichnung und sprachliche Kategorien // Sprachwissenschaft. 1987. Bd 12. Hf. 1. S. 7.
20. Сравнительная грамматика германских языков. Т. I–IV. М., 1962–1966.
21. Историко-типологическая морфология германских языков. Т. I–III. М., 1977–1978.
22. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

Л.С. Ермолаева